

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

С Ѣ В Е Р Н Ы Й А Р Х И В Ѣ .

1831 № XVIII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Отрывокъ изъ дневника Лорда Байрона.

(Оконтаніе.)

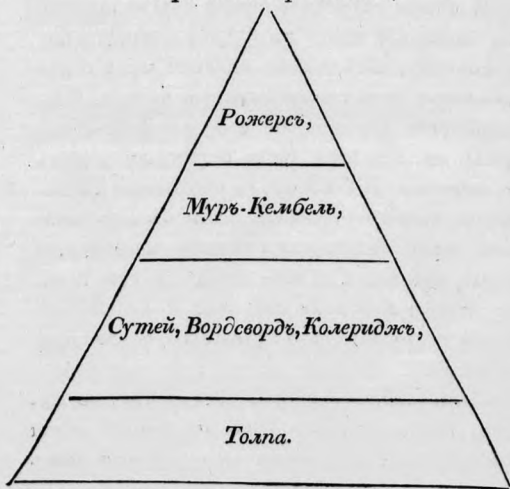
Я очень забросилъ свою корреспонденцію; только и пишу къ * * *, и когда я пишу къ нему, мои мысли сильнѣе меня самого, — слова не схватываютъ ихъ вполне. Всего пріятнѣе для меня писать къ Леди Мельбурнъ: ея опыты такъ остроумны, такъ замысловаты. Ни въ комъ не встрѣчалъ я и половины такого таланта. Если бъ эта женщина была нѣсколькими годами помоложе, и если бъ она взяла на себя трудъ, какого глупца могла бы изъ меня сдѣлать! И я потерялъ бы тогда друга самого пріятнаго, самого драгоценнаго.

Меморанда. Любовница никогда не можетъ быть другомъ. Пока съ нею въ связи — любовники; кончилось это — нельзя быть друзьями.

Я не отвѣчалъ еще на послѣднее письмо В. Скотта, но буду отвѣчать.

Я очень огорчился, услыша, что онъ въ худыхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Онъ безспорно монархъ Парнасса и наиболѣе Англичанинъ изъ всѣхъ Бардовъ. Я помѣстилъ бы послѣ него Рожерса, въ списокъ живущихъ (его я тѣмъ болѣе уважаю, что онъ послѣдній изъ лучшей школы) (*); Муръ и Кембель въ третьихъ; потомъ Сутей, Вордсвортъ и Колериджъ. Остальное *си пацис*. Вотъ такъ:

Сиръ Вальтеръ Скотъ,

(*) Школы Поэе.

Вотъ преугольный gradus ad Parnassum!
 Для подножія преугольника, именъ слишкомъ
 много. Турловъ сошелъ съ ума, рассуждая о
 Поэзіи времени Королевы Бесси (1): это жаль.
 Я размѣщаль имена въ своемъ преугольникѣ,
 скорѣе по общенародному мнѣнію, нежели по
 своему собственному. По моему, нѣкоторые
 изъ послѣднихъ искръ Эрина (2), брошенныхъ
 Муромъ: *Какъ трепетный лухъ на поверхности*
водъ, Когда тотъ, кого я обожаю, — Ахъ, не
хули и проч., гораздо лучше всѣхъ эпиче-
 скихъ поэмъ, какія только написаны. — * * *
 думаю, что Quarterly скоро будетъ бра-
 нить меня. Пускай, если угодно. Меня такъ
 много и бранили, и хвалили въ свое время и
 всѣми способами, что если хотять, чтобъ
 теперь мнѣ что нибудь кинулось въ носъ,
 надобно, чтобъ это былъ Кайенскій перецъ
 или алое. Я могу теперь со всею искренно-
 стію сказать, что сдѣлался нечувствительнъ
 къ крипикѣ. Если доискиваться начала по-
 му, думаю, что это происходитъ отъ того,
 что уже пишущъ Автора не кажется мнѣ
 такъ важенъ, какъ многимъ другимъ, и какъ
 мнѣ самому казался, когда я былъ моложе.
 „Все прискучиваетъ, мой ангелъ,“ говоритъ

(1) Елисавета.

(2) Ирландія.

Вальмонъ. Одни только „ангелы“ еще не надѣли мнѣ. То предпочтеніе, какое даюшъ пишущимъ надъ дѣйствующими, и весь эполъ шумъ, какой сами Авторы и другіе дѣлаюшъ на счетъ письменности и на счетъ писакъ, я считаю знакомъ перерожденія и слабости. Кто бы захотѣлъ писать, если бъ могъ дѣлать что нибудь лучшее? „Дѣло—дѣло—дѣло!“ восклицалъ Демосѣенъ; я же говорю: „дѣла — дѣла, а не писанье, а особливо не рѣшѣ!“ Взгляните на бранчивую, горькую, монопопную жизнь людей съ геніемъ;—кромя Серванта, Тасса, Данша, Аріоста, Клейста (которые были хорошіе и дѣятельные граждане), Эсхила, Софокла и еще нѣсколькихъ изъ древнихъ, — какое племя было когда нибудь болѣе бесполезно и болѣе праздно!“

27 Ноября, Суббота.

Вечеромъ смотрѣлъ съ Генрихомъ Фоссомъ Драму Nourjahad, которую Morning-Post валилъ на мою голову, а я даже не могу и угадать Автора. Не знаю, что найдутъ эти люди послѣ того еще приписать мнѣ? Вѣрно ничего не придумаюшъ ниже мелодрамы, хотя она все таки лучше сатиры (по крайней мѣрѣ, писанной на извѣстныхъ лицахъ), отъ которой я никакъ не могу отпереться, и въ наказаніе за то рѣшился молчаливо, безъ ма-

лѣйшаго знака противорѣчія, сносишь всѣ крипики, всѣ ругательства и даже похвалы, эпитимъ дурнымъ паншомимамъ, которыхъ я никогда не сочинялъ. Опъ того, думаю, пошелъ такой слухъ, что я ссудилъ Директора Турецкими рисунками для костюмовъ. Рисунки — такъ, но имя — это другое дѣло! Пьеса принята хорошо, почему насполицій Авторъ вѣроятно не замедлилъ открыться: если жъ нѣтъ, да будетъ Іовъ моимъ примѣромъ, и вода изъ Лепы моимъ напишкомъ!

*** получила порптретъ въ хорошемъ положеніи, и дѣлаетъ одно замѣчаніе, что „онъ похожъ; о, да какъ похожъ!“ Для нея сходство замѣняетъ множество недоспапковъ, ибо я знаю, что эпортъ порптретъ нисколко не *пофлатированъ*: онъ угрюмъ, суровъ, мраченъ, какъ была душа моя въ Іюль, когда его съ меня списывали. Всѣ другіе, съ меня писанные, паковы же, какъ большею частію порптреты дѣлаются: болѣе пріятны, нежели оригиналъ.

Читалъ спатью въ Эдмбургскомъ Обзорѣ о Рожерстѣ. Онъ вознесенъ высоко, но и заслуживаетъ это. Тупъ есть общее обозрѣніе всѣхъ насъ, между прочимъ Мура и меня: насъ хвалятъ обоихъ (перваго по справедливости), хотя ставяптъ, какъ и должно, ниже нашего почтеннаго друга. Сочинитель спатьи

Макинтошъ (Macintosh); онъ же писалъ и криптику на Г-жу Спаль. Его большое сужденіе о Боркѣ оставлено, говорятъ, для слѣдующаго нумера. Я совсѣмъ не знаю Эдмунбургскаго Обзора и даже никакого Обзора, — кромѣ какъ по слухамъ, и уже давно переспалъ. . . . Въ самомъ дѣлѣ, я не могу жаловаться ни на одинъ, хотя бы даже цѣнилъ Поэзію вообще и мои стихи въ особенности выше, нежели какъ то и другое теперь мнѣ кажется. *Я выхожу изъ себя*, и это (о, проклятый эгоизмъ!) было всегда единственнымъ, настоящимъ моимъ побужденіемъ писать обо всемъ; издавая, преслѣдую ту же цѣль по вѣдному однажды направленію разумомъ, которое препятснвуетъ ему уговориться въ самомъ себѣ. Если бъ я гнался за славою, то спалъ бы лелѣялъ пріятныя идеи, укоренившіяся временемъ, и которыя вѣрно проживутъ долѣе, нежели все, что нынѣ прошиву ихъ пишу. Но душа моя порукою, что я не хочу отступаться отъ собственныхъ моихъ мыслей, ни отъ моихъ сомнѣній, что бы ни вышло изъ того. Если я глупецъ, по крайности глупецъ сомнѣвающийся, и я никому не позавидую въ увѣренности, что онъ уменъ, основанный на его же собственномъ мнѣніи

Вторникъ 30.

Въ Субботу я опять смотрѣлъ Nourjahad съ Генрихомъ Фоссомъ, и думаю, частнымъ званьемъ убѣдилъ его наконецъ, что не я Авторъ пьесы. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобъ безцѣнный Авторъ назвался и снялъ съ меня бремя своей славы. Костюмы хороши, но не точны. Г-жа Горнъ была одѣта неподобно, кромѣ чалмы и недостатка маленькаго кинжала, (когда играется роль Султанши). Въ жизнь свою не видалъ я Турчанки въ чалмѣ, и вѣрно не видалъ никто. Султанши всегда носятъ маленькій кинжалъ за поясомъ. Разговоръ усыпительнъ, дѣйствіе утомительно, декораціи прекрасны, актеры сносны. Сераль ихъ не заслуживаетъ большой похвалы: Тереза, Фанни и * * * несравненно лучше ихъ всѣхъ.

Воскресенье. Прекрасная записка отъ Макшишоа, — рѣдкій примѣръ большихъ талантовъ и чрезвычайно добраго сердца. Сего дня, во Вторникъ, пріятная записочка отъ Г-жи Баронессы Спаль-Гольшпейнгъ. Ей нравился, что я упомянулъ въ своихъ примѣчаніяхъ о ней и о послѣднемъ ея сочиненіи; я сказалъ, что думалъ. Ея сочиненія для меня услада, и она также на полчаса. Я не люблю ея политическихъ мнѣній, по крайней мѣрѣ не люблю чтобъ она ихъ мѣнила; если бѣ

она была такова *ab inserto*, тогда бы нѣчего и говорить. Но это женщина необыкновенная: умственно, она болѣе сдѣлала, нежели все осязательное въ ея полѣ. Ей бы родиться мужчиною. Она мнѣ *лѣтитъ* очень пріятно въ своей запискѣ, но я это *знаю*. Ласкательство, хопя и лживое, нравится потому, что все таки доказываетъ собственную нашу значительность, ибо люди унижаются до лжи, чтобъ только мы были ихъ друзьями: это дѣло интереса.

Жалкая оспроша, вырвавшаяся у меня за обѣдомъ у Макинтоша, передъ Г-жею Спаль и другими госпиями, подняла, . сказываюшъ, въ гору * * *. Повторенная кѣмъ-то, она спала переходить изъ успѣ въ уста, и наконецъ упала на голову * * *: пусть же пусть и оспается.

Жоржъ (*) возвратился и перешелъ служить на другой корабль. Онъ похудѣлъ, но лучше на видѣ, нежели я ожидалъ. Я очень люблю Жоржа, гораздо болѣе, чѣмъ люди обыкновенно любятъ своего наслѣдника. Онъ славный малый: морякъ съ головы до ногъ. Употреблю все на свѣтъ, *sauf d'apostasier*, чтобъ возвести его въ санъ.

(*) Его двоюродный братъ, нынѣшній Лордъ Байронъ.

Приходилъ Левисъ. Онъ хорошій человекъ и съ хорошими природными качествами, но ужасно плодовитъ, любитъ парадоксы и *лижности*. Если бъ онъ въ половину говорилъ меньше и оставался не долѣе часу, дѣлая визиты, его бы любили еще болѣе. Какъ авторъ, онъ не имѣетъ желчи; его писаніе чистосердечно, открыто, какъ у Эрскина, и за всѣмъ тѣмъ не оскорбительно.

Получилъ вчера маленькое писъмце отъ Аннабеллы (*). Какое странное положеніе наше, какая странная дружба! Ни одной искры любви ни съ той, ни съ другой стороны; слѣдствіе обстоятельствъ, отъ которыхъ обыкновенно рождается съ одной стороны холодность, съ другой отвращеніе (**). Это дѣйствительно женщина превосходная и мало избалованная; вещь удивительная въ наслѣдницѣ большаго имѣнія, въ дѣвушкѣ двадцатилѣтнѣ, *Пересъ* по праву рожденія, въ единственной дочкѣ, — сверхъ того она Поэтъ, Математикъ, Метафизикъ, и за всѣмъ тѣмъ добра, великодушна, скромна, почти безъ претензій. Въ половину меньше пріобрѣтенныхъ талантовъ и десятая доля такихъ природныхъ

(*) Потомъ Леди Байронъ.

(**) Миссъ А. Мильбенкъ была уже сватана Лордомъ Байрономъ и отказала ему.

качествъ вскружили бы голову великому другому.

Воскресенье, 5 Декабря.

Племянникъ Далласа (сынъ Главнаго Адвокаша въ Филадельфiи) прiѣхалъ сюда; онъ увѣряетъ, что мои стихи всѣми читаются въ Соединенныхъ Штатахъ. Вотъ первыя новости, которыя раздался въ ушахъ моихъ чѣмъ то, подобнымъ славѣ; меня читаютъ на берегахъ Огайо! Больше, чѣмъ когда либо почувствовалъ я удовольствiе въ этомъ родѣ, прочитавъ опривокъ изъ журнала актера Кука, найденный мною въ описанiи жизни его, гдѣ онъ говоритъ, что въ библиотекѣ для чтенiя въ Альбани, близъ Вашингтона, дали ему читать книгу: *Англійскіе Барды и Шотландскіе Критики*. Пользоваться народностію въ спрахъ раждающейсѣ, опдаленной, есть родъ *поконгинной славы* (genom posthume), совсѣмъ не похожей на шопъ эфемерный блескъ ласкашельствъ, навязанныхъ вамъ на шею людьми, которые даютъ вамъ праздники, лестни, которую вамъ шепчутъ на ухо, комплиментовъ, дикшуемыхъ духомъ нартiи, словомъ всего того, чѣмъ закидываетъ васъ тревога большаго свѣпа. Могу искренно сказать, что во время моего *царствованiя*, весною 1812, я ни о чемъ такъ не жалѣлъ, какъ о продолженiи его цѣлыи

шесть недѣль вмѣсто двухъ, и что я весело съ нимъ простился.

Герцогъ * * * былъ у моихъ дверей. Я говорилъ *или* сто разъ, что, исключая поудюжины спарыхъ корошкихъ знакомыхъ, нѣтъ меня дома ни для кого. Его милость особа добрая и благородная, вполне герцогская: но довольно, если я такъ думаю въ приличномъ разстояніи: въ слѣдствіе того, меня не было дома.

Гальтъ пріѣхалъ. *Мет.* Найми кого нибудь, чтобъ поговорили Раймонду въ пользу его пьесы. Мы вмѣстѣ кружили по свѣту, и при всѣхъ его странностяхъ, въ немъ много здраваго разсудка, свѣтской опытности, и сколько могъ я замѣтить, это человекъ отъ природы добрый и не безъ философіи. Я показалъ ему письмо отъ Слиго о тѣхъ слухахъ, которые распространились въ Афинахъ, по случаю *приключенія* съ молодою Турчанкою. Теперь прочитали письмо: онъ, Лордъ Голландъ, Левисъ, Муръ, Рожерсъ и Леди Мельбурнъ; Муррей списалъ его. Я воображалъ, что это дѣло останется неизвѣстнымъ, и мнѣ хотѣлось этого. Но Слиго пріѣхалъ черезъ нѣсколько дней въ Афины, и распространившіеся слухи составляютъ предметъ его письма. Я сберегу его; это пригодишься. Левисъ и Гальтъ были поражены ужа-

сомъ, и Л. удивлялся, почему не ввелъ я этого положенія въ *Глуръ*. Скорѣе тому надобно удивляться, что это сочиненіе было написано; но изобразить, что я чувствовалъ въ этомъ положеніи, было бы невозможно. Опъ одного воспоминанія *леденью*.

Незвѣста Абидосская была выдана въ Четвергъ, 2 Декабря. Пойдетъ ли? Не знаю. Будетъ успѣхъ или нѣтъ, вина не публики, на которую жаловаться не могу. Но я болѣе обязанъ этой сказкѣ, нежели чипашелю, самому предубѣжденному въ мою пользу. Это сочиненіе отбросило мысли мои о дѣйствительности, и обратило ихъ къ предметамъ мечтательнымъ; оно измѣнило себялюбивыя сожалѣнія въ воспоминанія, исполненныя жизни, и перенесло меня въ страну, разцвѣченную самыми блистательными и самыми *мрачными* красками, но все-го живѣе напечатлѣнными въ моей памяти.

Понутру въ два часа.

Я былъ у Лорда Голланда. Большое собраніе: Миледи въ прекрасномъ расположеніи духа, и слѣдственно совершенна. Когда она захочетъ, никто не сравняется съ нею въ пріятности. Приглашенъ обѣдать въ Среду съ Г-жею Спаль, думаю, изъ лукавства, чтобы посмотреть первое наше свиданіе послѣ примѣчанія, которымъ Коринна представляется столь восхищенной. Я не думаю тамъ

быть. — Она говоритъ всегда обо *мнѣ* или о *себѣ*; а я, кромѣ подобныхъ разсужденій съ самимъ собою, не слишкомъ люблю эти два предмета разговоровъ, особливо, когда дѣло идетъ о написанныхъ сочиненіяхъ. Какого чорта скажу объ ея *Германіи*? Я очень люблю эту книгу, но если не выражу ей своего удивленія какимъ нибудь необыкновеннымъ, фантастическимъ образомъ, она не повѣритъ мнѣ. Знаю по опыту, что меня закидаютъ прелестными фразами о Поэзіи, о стихахъ и пр. Любовникъ, Г. * * *, былъ тамъ же въ этотъ вечеръ. С * * * говоритъ, что это единственное доказательство хорошаго вкуса дамы. Господинъ любовникъ замѣчательно хорошъ собою, но, по мнѣ, не болѣе, чѣмъ книга его возлюбленной.

С * * * смотритъ весело, кажется доволенъ самъ собою, и былъ одѣтъ очень рачительно. Синее платье къ нему идетъ — и новый парикъ его также. Какъ будто самъ Аполлонъ послалъ ему уборъ на день рожденія или свадьбы; онъ показалъ умъ и живость. Зло крипиковалъ онъ книгу Коринны, къ моему большому сожалѣнію: во-первыхъ потому, что онъ знаетъ по-Нѣмецки, и слѣдственно судья хорошій; во-вторыхъ, онъ одинъ изъ первенствующихъ въ Литературѣ, и слѣдственно самый хорошій судья.

Я его уважаю и дивлюсь ему, но не откажусь отъ своего мнѣнія. Да и зачѣмъ? Я читалъ и *перечитывалъ* Г-жу Спаль, и конечно, въ этомъ нѣтъ припворства. Я не могу ошибиться (исключая по вкусу) въ книгѣ, которую читаю, бросаю и беру опять, и книга не можетъ быть совершенно худа, если находишь одного, даже *одного только* читателя, который скажетъ о ней искренно то же.

С * * * хочетъ опять читать, весною, лекцій; послѣднія имѣли большой успѣхъ. Муръ также имѣлъ эту мысль, но оставилъ ее, не знаю, почему. * * * наговорилъ ему о *достоинствѣ* и подобные пусняки: какъ будто человекъ унижаетъ себя, когда и научаетъ и правится въ одно и то же время!

Съ Франц.

II.

Н О В А Я И С Т О Р І Я .

Б І О Г Р А Ф І Я

Графа Петра Васильевича Завадовскаго.

(Продолженіе.)

Между тѣмъ Графъ Завадовскій, въ 12-й день Декабря 1802 года, исходатайствовалъ

Дерптскому Университету Высочайшій актъ утвержденія, въ семь Университетъ составленный и имъ разсмотрѣнный.

Въ 27 день Марта 1803 года Графъ Завадовскій - псходатайсповалъ Высочайшее утвержденіе шшатамъ Университетовъ, предназначенныхъ въ Санктпетербургъ, Москвѣ, Казани и Харьковѣ, также Гимназій и Уѣздныхъ Училищъ въ Россійскихъ Губерніяхъ.

Виленскій Университетъ, издавна существовавшій, также получилъ въ 4 день Апрѣля 1803 года актъ утвержденія о преобразованіи онаго, а въ 18 день Мая того жъ года и Уставъ, или общія постановленія, какъ для Университета, такъ и для училищъ его округа.

Въ 20 день Мая 1803 года, Графъ Завадовскій испросилъ Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи или возобновленіи въ Санктпетербургъ Учительской Гимназіи, въ которую испребовано было изъ Духовныхъ Училищъ сто учениковъ для занятія, по образованіи своемъ, Учительскихъ мѣстъ въ Гимназіяхъ и Уѣздныхъ Училищахъ.

Въ 27 день Іюня того жъ года, по предложенію Графа Петра Васильевича, при Главномъ Правленіи Училищъ учрежденъ Комитетъ для разсмотрѣнія изданныхъ бывшею Коммиссіею Народныхъ Училищъ учебныхъ

книгъ и соспавленія новыхъ. Въ 18 день Іюля того жъ года, по ходапайспву Графа Завадовскаго, при Виленскомъ Университетѣ учреждена Главная Семинарія для Священниковъ Римско-Каполическаго исповѣданія Могилевской, Виленской, Луцкой, Самогицкой, Каменецъ - Подольской и Минской Епархій, также для Священниковъ Римско - Уніапскаго исповѣданія Полоцкой, Брестъ-Липовской и Луцкой Епархій. Въ 25 день Іюля того жъ года, Академія Наукъ получила новый регламентъ и шпашъ. Въ 22 день Сентября того жъ года Высочайше утверждень Успавъ и шпашъ Дерптскаго Университета.

1804 года Марша въ 21 день Графъ Пепръ Васильевичъ исходапайспвовалъ Высочайшее утвержденье постановленію Дерптскаго Университета опносихельно надзора надъ училищами его округа и шпашу ежегоднаго содержанія оныхъ. Сего жъ года въ 16 день Апрѣля Учительская Гимназія, устроенная въ С. Петербургѣ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, въ 20 день Марша 1803 года состоявшася, получила, подъ именемъ Педагогическаго Инспитута, Высочайше утвержденныя правила и шпашъ. Въ томъ же день того жъ года Графъ Пепръ Васильевичъ исходапайспвовалъ Высочайшее утвержденье плану для образованія въ Одессѣ Коммерче-

ской Гимназіи, какъ опличной по своей цѣли отъ другихъ Гимназій; въ 9 день Іюля 1804 года Высочайше утверждень Уставъ о Ценсурѣ книгъ; въ 5 день Ноября того жъ года Высочайше утверждены Грамоты, Уставы и шпаты Университетовъ Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго; также Уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ Университетамъ, то есть, Приходскихъ и Уѣздныхъ Училищъ, Гимназій, Пансіоновъ и другихъ названій училищъ, въ коихъ дѣши ученіемъ и воспитаніемъ приготавлиются для службы гражданской.

Кому не извѣстно, сколь опличныя предославлены сими Уставами права и преимущества всѣмъ Университетамъ и подвѣдомымъ имъ Училищамъ, и какіе вскорѣ принесли плоды сіи заведенія? Между тѣмъ, какъ преобразуемы были прежнія училища по новому плану, и открываемы, съ возможною поспѣшностію, Приходскія и Уѣздныя Училища и Гимназіи, Дворянство и другія сословія отечества, ревнуя примѣру Правительства, обогащали оныя своими приношеніями и устроили училища на своемъ иждивеніи. Могу ли здѣсь преищи молчаніемъ безсмертнаго патріота, украсившаго подвигомъ своимъ царствованіе Александра и Министрство Графа Завадовскаго, и единственною

жертвою своею опечеству и Наукамъ удивившаго не одну только Россію? Спасскій Совѣтникъ Павелъ Григорьевичъ Демидовъ, вскорѣ по открытіи дѣйствій Министерства Просвѣщенія, именно въ Мартѣ мѣсяцѣ 1803 года, писалъ къ Графу Пепру Васильевичу о необыкновенномъ своемъ намѣреніи. Да украситъ, великій мужъ! свое жизнеописаніе безсмертными строки сего благотворителя просвѣщенія, и свои опыты на оныя и распоряженія.

„Внутреннее удовольствіе, съ какимъ читалъ я новый планъ всеобщаго просвѣщенія въ Россіи, столь необходимаго для благоденствія и славы народовъ, произвело во мнѣ искреннее желаніе быть участникомъ въ семъ великомъ намѣреніи; а дабы лучше употребить предполагаемое мною пособіе, счелъ я нужнымъ опривѣстивъ съ симъ къ Вашему Сіятельству, какъ къ особѣ, на которую угодно было Всемилостивѣйшему Государю нашему возложить сію, столь важную часть государственнаго правленія. Разсуждая, что человѣкъ не можетъ употребить избытковъ своихъ лучше, какъ на вспоможеніе немущимъ, оплагалъ я съ давнихъ лѣтъ часть доходовъ своихъ въ пользу какого нибудь благотворительнаго заведенія, и считая, что просвѣщеніе есть первая степень благосо-

стоянія Государства, предлагалъ употребить собранное мною на заведеніе или распространеніе какого нибудь ученаго мѣста. Я вдовъ и бездѣтнъ; наслѣдники мои, коимъ я впрочемъ оставляю все родовое имѣніе мое, будучи сами богачѣ меня, не имѣютъ нужды въ моей помощи. При таковыхъ обстоятельствахъ, нынѣ, будучи поощренъ несравненными щедротами Государя, милосердіемъ призывающаго Дворянство, споспѣшествувавъ истинно полезнымъ Его намѣреніямъ, къ распространенію просвѣщенія клонящимся, разсудилъ употребить двѣсти тысячъ рублей въ пользу существующаго уже Московскаго и предназначаемыхъ Кіевскаго и Тобольскаго Университетовъ (*), назначалъ сто тысячъ для Московскаго, и другія сто тысячъ для Кіевскаго и Тобольскаго. И какъ не тщеславіе, а единое усердіе ко благу общему есть пружиною сего приношенія моего въ пользу учащихся, я оставляю на волю Вашего Сіятельства распредѣлить послѣднія сто тысячъ рублей, судя по тому, въ какомъ мѣстѣ и на что, съ лучшею пользою они употреблены быть могутъ.

„Что жъ касается до назначенной мною для Московскаго Университета суммы, желалъ бы я, чтобъ капиталъ сей остался вѣч-

(*) См. Предв. Правила народнаго просвѣщенія.

но въ пользу онаго, съ тѣмъ чѣмъ половина проценговъ съ онаго употребляема была на содержаніе нѣсколькихъ студентовъ, часть на отправленіе одного достойнѣйшаго изъ нихъ, по разсмотрѣнію, въ чужіе края, дабы онъ, усовершенствовавъ знанія свои въ которомъ нибудь изъ лучшихъ иностранныхъ Университетовъ, тѣмъ полезнѣе былъ для своего отечества, и часть на содержаніе одного изъ лучшихъ Профессоровъ Натуральной Исторіи и Минералогіи, и пока важная сія часть дойдетъ у насъ до большаго совершенства, желательна бы имѣть для оной Профессоровъ иностранныхъ, кои отличными своими знаніями извѣстны ученому свѣту. Сверхъ сего, въ пользу сего же Университета предназначаю я по смерти моей библіотеку, которую собиралъ я нарочно съ симъ намѣреніемъ; почему и наполнилъ ее всѣми нужными для такового заведенія книгами, коихъ большую половину, если нужда того потребуетъ, могу отдѣлить даже теперь; такъ же кабинетъ Натуральной Исторіи, минцъ-кабинетъ, содержащій въ себѣ медали и монеты почти всѣхъ Европейскихъ Государствъ, и собраніе разныхъ художественныхъ рѣдкостей, что все, по нынѣшнимъ цѣнамъ, стоить по крайней мѣрѣ двѣсти пятьдесятъ тысячъ рублей. — Изъ не-

движимаго же имѣнія моего, самимъ мною приобрытеннаго, отдаю я въ Ярославской Губерніи Романовскую волчину, въ которой, по послѣдней ревизіи, 1330 мужескаго пола душъ, вѣчно въ пользу назначенной въ Ярославль Гимназіи, съ тѣмъ, чѣмъ получаемые съ оной доходы употребляемы были какъ на заведеніе оной, такъ и на содержаніе бѣдныхъ той Губерніи дворянъ, съ такимъ припомъ намѣреніемъ, чѣмъ оплотившіе себя поведеніемъ и способностями, на помъ же коштъ, по окончаніи Наукъ въ Гимназіи, были отправляемы въ Университетъ, и, если кто окажется того достойнымъ, въ чужіе края. Если же, паче чаянія, сіи предложенія мои встрѣпятъ затрудненіе, я принимаю смѣлость рекомендовать Вашему Сіятельству подавшаго письма сего, Московскаго Главнаго Народнаго Училища Учителя Дружинина, человѣка, по добрымъ качествамъ давно мнѣ извѣстнаго, котораго просилъ я дополнить мысли мои на словахъ, поручивъ ему сдѣлать Вашему Сіятельству и другое по части сей предложеніе, котораго я не осмѣлился изъяснить на бумагѣ. Предлагая все сіе на благоразсмотрѣніе Вашего Сіятельства, я счастливымъ себя сочту, если сіе искреннее усердіе мое ко благу общему заслужитъ вниманіе ваше, и удостоится одобренія несрав-

неннаго Монарха, столь много пекущагося о благѣ своего народа. Сіе есть единственное желаніе мое, котораго исполненіе послужить не малымъ утѣшеніемъ при концѣ дней моихъ; въ какихъ пріятныхъ мысляхъ съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію навсегда пребудетъ и проч.“

Къ упоминаемому въ семъ письмѣ Учителю, Коллежскому Ассессору Петру Дружинину, Павелъ Григорьевичъ Демидовъ писалъ слѣдующее :

„Сообщивъ вамъ мысли мои, касательно вспоможенія, въ пользу Наукъ мною предполагаемаго, желалъ бы я прибавить къ тому еще слѣдующее: извѣстно вамъ, что я Романовскую свою вотчину отдаю въ пользу назначенной въ Ярославль Гимназіи. Но если бы могъ я, не вышедъ изъ предѣловъ благопрістойности, сдѣлать предложеніе, чтобы, вмѣсто оной, завести въ упомянутомъ городѣ Университетъ, желалъ бы я, чтобы вотчина сія осталась тогда въ пользу онаго, къ которой присоединилъ бы я и Углицкія свои деревни, въ коихъ, по послѣдней ревизіи, состоитъ 2240 душъ, съ тѣмъ, чтобы доходы съ оныхъ были вѣчно въ пользу онаго, и сверхъ того, — сто тысячъ рублей чистыми деньгами на заведеніе онаго. Покорно прошу не оставить безъ надлежащаго вни-

манія сію матерію. Вмѣстѣ съ симъ желалъ бы я, чѣмъ сіи сто тысячъ, для перевода оныхъ куда слѣдуетъ, позволено мнѣ было внести въ какое нибудь казенное мѣсто здѣсь, въ Москвѣ. Что жъ касается до библіотеки и кабинета, кои, какъ вы знаете, предоставляются мною въ пользу Московскаго Университета, не худо бы, чѣмъ кто нибудь изъ господъ Профессоровъ онаго заблаговременно познакомился съ оными, дабы они на всякой случай были ему извѣстны.

„Равно, если вы еще что придумаете къ пользѣ моихъ намѣреній, кои вамъ извѣстны, пожалуйста, не оставьте безъ замѣчанія, въ какой надеждѣ со всѣмъ усердіемъ честь имѣю быть и проч. Марша дня 1830 года.“

По докладу о семъ высокому подвигу Павла Григорьевича Демидова Государю Императору, Графъ Пётръ Васильевичъ Завадовскій описывалъ ему слѣдующее:

„Съ колѣннымъ благоволеніемъ Государю Императору внимаю расположенію вашему благодарствовать Училищамъ, удостоившимся въ томъ изъ Высочайшаго Рескрипта къ вамъ, который имѣю проводить симъ. Подвигъ вашъ знаменуетъ побужденіе души благородной, души восхищающейся отечественнымъ благомъ. Внушите всѣмъ слава и сохраните непоколебимая признатель-

ность высокій примѣръ, вамъ подаваемый, до
 коликой степени имѣетъ Россія сыновъ до-
 бродѣтельныхъ и приверженныхъ къ обще-
 ственной пользѣ. Се мои почтительныя чув-
 ства къ лицу благотворителя Наукъ: не
 будутъ иныя и благодарнаго ему отечества.
 Остается мнѣ коснуться обряда, каковъ пред-
 лежить къ исполненію достохвальнаго ваше-
 го намѣренія, хотя въ томъ ваше ко мнѣ
 отношеніе уже было представляемо Госуда-
 рю Императору и удостоилось Высочай-
 шаго благоволенія; но еще вамъ надобно без-
 посредственнымъ письмомъ просить Его
 Величество объ утвержденіи Училищамъ,
 въ неподвижную пользу ихъ, всѣхъ ихъ при-
 ношеній, о коихъ изложили вашу волю въ
 письмахъ своихъ ко мнѣ и къ Г. Дружинину.
 Такимъ образомъ содѣлается актъ вашего
 благотворенія, и Государь утвердитъ
 оный въ непреложное исполненіе всѣхъ пред-
 назначеній. По званію моему, я предваряю
 васъ, Милостивый Государь мой, относитель-
 но Гимназій Ярославской, коюрой вы при-
 бавляете 100,000 рублей и 2240 душъ къ
 предназначенной въ 1330 душахъ деревнѣ, если
 она возвышена будетъ въ Университетъ.

„При шолікой отъ васъ помощи не бу-
 детъ ни какого препятствія образованію сіе
 Училище въ степень, вашему желанію соот-

въспсвенную, заведя въ ономъ классы Наукъ Университетскихъ; придастся и проименованіе оному въ незабвенную память благопворишеля. Не смѣю вамъ предложить; но за то отвѣчаю, что Государь Императоръ принялъ бы по съ благоволеніемъ, если бъ вы преклонились взять на себя званіе Попечителя надъ симъ Училищемъ, которое возрастетъ отъ вашихъ щедротъ; ибо кто могъ предложить опечесству таковыя жертвы, тотъ можетъ и устроить предметъ оныхъ наилучшимъ образомъ. Университетъ Московскій, который спараемся поднять и поставитъ новымъ образованіемъ по примѣру таковыхъ, процвѣтающихъ въ Европѣ, знаменуешь и сохранилъ память вашихъ ему благодарній, учрежденіемъ каеэдры, назвавъ оную вашимъ именемъ, какъ вспомошесствуемую кабинетами, отъ васъ данными; иностранные Профессоры, сплжавшіе знаменитость въ ученіи, уже призываюся въ оный.

„Вы желаете, чтобъ съ вашею библіотекою и кабинетами кто нибудь изъ Профессоровъ заблаговременно познакомился. Предаю въ вашу волю указать мнѣ таковаго, который угоденъ былъ бы вамъ изъ настоящихъ Московскаго Университета; я предпшу ему исполнить вашу волю; конечно и весьма нуж-

но для переду сочинить капиталы вашей библиотеки и прочих кабинетовъ, которые, будучи подписаны вашею рукою, представляли бы доказательство цѣлости ихъ и всю вѣрность прошивъ вашихъ на оныя распоряженій.

„Что касается до суммъ, которыя вы располагаете въ благодѣяніе многимъ училищамъ, то къ тому ближайшее средство положить оныя въ Воспитательный Домъ вѣчнымъ капиталомъ, назнача доходъ отъ процентовъ по мѣрѣ капитала, каждому мѣсяцу опредѣленнаго; а доколѣ приспѣетъ время къ открытію Университетовъ въ Кіевѣ и Тобольскѣ, то капиталы симъ училищамъ, отъ васъ опредѣляемые, росли бы обращеніемъ своимъ безъ прикосновенія къ онымъ.

„Изъясняю мысль мою собственно, и только во удовлетвореніе вашего о томъ пребожанія, предоставляя впрочемъ произволению сердца вашего дѣйствовать во благо, собственно вами избираемое.

„Дѣлающій добро единственно для самого добра, хотя не взыскиваетъ, чтобы имя его отзвучалось далѣе сердецъ, имъ облагодѣтельныхъ, но голоса признательности не удерживаетъ ваша скромность, чтобы не былъ слышанъ повсюду.

„Весьма пріятно для меня расположеніе ваше къ Г. Дружинину, который подъ упра-

вленіемъ моимъ образовался въ ученіи. Я имѣлъ удовольствіе познать въ немъ нѣ качества, по которымъ онъ пріобрѣлъ ваше благоволеніе къ себѣ.

„Пребываю съ отличнымъ почтеніемъ“
и проч. Апрѣля 8 дня 1803.

ВЫСОЧАЙШИИ РЕСКРИПТЪ.

„Господинъ Спашскій Совѣтникъ Демидовъ! Министръ Народнаго Просвѣщенія докладывалъ Мнѣ вашъ отзывъ къ нему, въ которомъ предлагаете отъ своего имущества знаменитые дары въ пользу народныхъ училищъ. Принявъ съ отличнымъ благоволеніемъ пому чувствительный доводъ вашей ревности и усердія ко благу отечества, обнадеживаю васъ Моимъ Императорскимъ словомъ, что всѣ распоряженія ваши, которыя вы сдѣлаете въ помощь Училищамъ, Я утвержу почто по вашей волѣ и въ память имени, благодѣтельнаго онымъ. Пребудьте не меньше увѣрены и въ томъ, что отличную добродѣль отлично уважаетъ вамъ благосклонный

АЛЕКСАНДРЪ.“

Санктпетербургъ,
Апрѣля 4-го 1803 года.

По полученіи сего Высочайшаго Рескрипта, Павелъ Григорьевичъ Демидовъ прислалъ

слѣдующее письмо на Имя Государя Императора :

„ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

„Удоспоясь получить отличное благоволеніе, какое Вашему Императорскому Величеству, по благоспий Своей, угодно было изъявить мнѣ Высочайшимъ Рескриптомъ Своимъ, спѣшу принести наичувствительнѣйшую благодарность Всещедрому Монарху, столь милоспивно возрѣвшему на усердіе Своего подданнаго, и въ полной надеждѣ на совершенное благоволеніе, принимаю смѣлость повергнуть къ Престолу Вашего Императорскаго Величества слѣдующую просьбу мою.

„Съ давнихъ лѣтъ помышлялъ я удѣлить часъ оныхъ избытковъ имущества своего на какое нибудь человеколюбивое заведеніе; а любя Науки, и почитая просвѣщеніе первымъ основаніемъ благосостоянія Государства, сильнѣйшее мое желаніе всегда было, споспѣшествовать распространенію оныхъ. Величайшій и несравненный примѣръ Вашего Императорскаго Величества, открывающій путь ко всеобщему просвѣщенію въ Россіи, возбудилъ во мнѣ непреоборимое желаніе произвести въ самое дѣйствіе то, о чемъ помышлялъ я нѣсколько лѣтъ.

„Три тысячи пять сотъ семьдесятъ восемь душъ, въ Ярославской Губерніи за мной состоящихъ, и самимъ мною приобрѣтенныя, и три ста тысячъ денегъ есть приношеніе, назначенное мною при жизни моей въ пособіе на заведеніе училищъ. Вашему Императорскому Величеству угодно уже было одобритъ мои намѣренія, и я будучи ободренъ Императорскимъ Словомъ, принимаю смѣлость повергнуть на Высочайшую конфирмацію слѣдующее распоряженіе мое.

„Извѣстно мнѣ, сколь великое число немущаго дворянства въ Губерніи Ярославской имѣетъ нужду въ такомъ заведеніи, въ которомъ бы оно съ малыми средствами, могло приобрѣсть всѣ тѣ познанія, кои образуютъ разумъ и сердце. Принимаю смѣлость просить Ваше Императорское Величество, дабы Высочайшимъ Указомъ Вашимъ повелѣно было, назначенную въ Ярославль Гимназію возвысить въ такое училище, которое бы имѣло одинакую степень съ Университетомъ и всѣ преимущества онаго, заведя въ немъ классъ Наукъ университетскихъ. И если сія всеподданнѣйшая просьба моя удостоится Высочайшаго благоволенія, отдаю я въ пособіе оному, нынѣ же, какъ на содержаніе Профессоровъ, такъ и другія по училищу надобности, за исключеніемъ нѣ-

котораго числа дворовыхъ, всѣ помянутыя 3578 душъ на такомъ основаніи, какое съ волею Вашего Императорскаго Величества и выгодами училища можетъ быть согласно, прося утвердить оныя Высочайшимъ Вашимъ Указомъ въ вѣчную и неподвижную пользу онаго; и сверхъ того сто тысячъ денегъ, желая, чтобъ сумма сія, будучи положена въ какое нибудь государственное мѣсто, осталась вѣчнымъ для него капиталомъ, и училище пользовалось одними доходами, употребляя ихъ не иначе, какъ на содержаніе непимущихъ той Губерніи дворянъ и другихъ состоящихъ людей. Если же между ими встрѣятся такіе, кои рѣдкими своими дарованіями обрацаятъ особенное на себя вниманіе, таковыхъ благоволено бѣ было отправлять по разсмотрѣнію и въ чужіе края.

„Остальныя двѣсти тысячъ рублей желалъ бы я распредѣлить такимъ образомъ, чтобъ сто тысячъ употреблены были въ пособіе существующему уже Университету Московскому, а другія сто тысячъ Кіевскому и Тобольскому. Но пока приспѣетъ время образованію сихъ послѣднихъ, прошу Ваше Императорское Величество, чтобъ капиталъ, для нихъ назначенный, также по-

ложенъ бытъ въ государственное мѣсто съ тѣмъ, чѣмъ обращеніемъ своимъ возраспалъ въ пользу тѣхъ Университетовъ, предоспавляя дальнѣйшее распорядженіе онымъ благо-разумію Министра Просвѣщенія.

„Что жъ касается до спа тысячъ, Московскому Университету мною назначенныхъ, всеподданнѣйше прошу Ваше Императорское Величество, чѣмбы оныя оставались вѣчнымъ для него капиталомъ и Университетъ пользовался бы одними съ него доходами, на такомъ основаніи, чѣмъ большая оныхъ часть употреблена была на содержание студентовъ, и часть на отправленіе одного достойнѣйшаго изъ нихъ для усовершенствованія своихъ познаній въ лучшій иностраннѣй Университетъ.

„Въ пользу сего же Университета предоспавляю я, какъ библіотеку мою, такъ и кабинетъ Натуральной Истории, милицъ-кабинетъ, содержащій въ себѣ медали и монеты почти всѣхъ Европейскихъ Государствъ, и собраніе разныхъ художественныхъ рѣдкостей, кои собиралъ я около сорока лѣтъ нарочно съ тѣмъ намѣреніемъ, чѣмъ оставить ихъ со временемъ на пользу общую. И хотя въ письмѣ моемъ къ Министру Про-

свѣщеніа изъявилъ я желаніе отдать оныя по смерти; но разсудивъ, что все сіе съ бѣльшею цѣлостію можетъ быть доставлено при мнѣ, рѣшился пожертвовать и оными, какъ скоро Московскій Университетъ образуется по новому Вашего Императорскаго Величества плану и прибавитъ иностранные Профессоры.

„ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

„Се жертва усердія моего къ благу общему! Милосливое воззрѣніе Ваше на усердное приношеніе мое есть единая награда, коюрой ожидаетъ опъ Престола Вашего Императорскаго Величества

Всеподданнѣйшій

Павелъ Демидовъ.“

Апрѣля 29 дня
1803 года.

(Окончаніе впредь.)

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СААТЫРЬ.

Якутская Баллада.

Не въшерьъ въдыхаетъ въ ущельѣ горы,
 Не камень слезился росой
 То плачетъ Якушъ до полночной поры,
 Склонясь надъ женой молодою.
 Ужъ пашую зорю поминся она,
 Любви и веселья подруга,
 Безъ капли воды, безъ цѣлебнаго сна,
 На жаркой постелѣ недуга:
 Съ румянцемъ ланишъ лучъ надежды погасъ:
 Какъ воронъ надъ нею погибели часъ.

* * *

Умолкните, чаръ и моленіа вой
 И бубновъ плачевные звуки (1)!
 Съ одра Саашырь поднялась головой,
 Простерла поблеклыя руки:
 И такъ, какъ подъ снѣгомъ роптанье ручья,
 Какъ звонъ колокольчика дальной (2),
 Спрунися по воздуху голосъ ея.
 Висмаите вы рѣчи прощальной;
 Священъ для живыхъ передсмертный завѣтъ:
 У гробныхъ дверей лицемѣрія нѣтъ!

* * *

„О други! уйдетъ ли журавль отъ орла?
 Отъ пуга быстроногіа козы? —

Колю смертная тѣнь мнѣ на сердце легла,
 Прильютъ ли дыханія слёзы?
 О мужъ мой — не плачь: намъ судьба изрекла
 И въ бракъ разлучную долю.
 По волѣ твоей я доселѣ жила,
 Исполни теперь мою волю:
 Покой и завѣтъ нерушимо храня,
 На горномъ холмѣ скорони ты меня!“

* * *

„Не вѣшай мой гробъ на лѣсной вышинѣ (3).
 Духамъ, непогодамъ забавой —
 Въ родимой землѣ рой могилу ты мнѣ,
 И кровлей замкни величавой.
 Вотъ слово еще: роковое оно —
 Едва я дышать перестану —
 Сей перстень возьми и спуни въ спремое,
 Отдай его Князь Буйдуکانу.
 Разгадки жъ тому не желай, не слѣди —
 Тайна эта въ моей погребетсѣ груди!....“

* * *

И смерть осѣнила больную крѣпомъ —
 Сомкнулись тяжелыя вѣжды;
 Казалось, она забывается сномъ
 Въ объятіяхъ сладкой надежды;
 Съ дыханіемъ устъ замирали слова,
 И жизнь улѣтѣла со звукомъ,
 Оштринувъ спрѣлу, такъ звенишь шеплива,
 Могушимъ распоргнула лукомъ.
 Родныхъ поразили изумляющій спрахъ. . . .
 На сердцѣ шоска, и слеза на очахъ.

Убрали. Поднизки подобіемъ спруй
 Текутъ на богатыя шубы (4).
 Но грусти печать — оцъ родныхъ поцѣлуй
 Не сходитъ на блѣдныя губы (5);
 Лишь смѣло къ одру подходилъ Буйдуканъ
 Одинъ, и спою незыбкой:
 Онъ обнялъ ее, не смущенъ и румянъ,
 И вышелъ съ надменной улыбкой.
 И чудилось имъ — Саашыри чело,
 Какъ сѣвернымъ блескомъ на мигъ разсвѣло!...

* * *

На ушро, гдѣ Лена межъ башнями горъ
 Течешъ подъ завѣсой тумановъ,
 И въперъ, будя исплѣвающій боръ,
 Качаетъ гробами Шамановъ . . . (6),
 При кликѣ родныхъ Саашырь принесли
 Въ красивой колодѣ кедровой (7),
 И тихо, разверзшее лоно земли
 Сомкнулось надъ жертвою новой.
 И дѣвы и жены, и спарый и младъ,
 Въ улусъ пошекли озираясь назадъ. —

* * *

Вскипѣли кошлы, задымилася кровь
 Коней — украшенія спада,
 И брызжетъ кумысъ оцъ широкихъ краевъ,
 Онъ счастья и горя услада;
 И шумно, кругомъ, упоенныя кумирь
 Аяхъ пробѣгаетъ бездонный (8),
 Ужъ влечетъ заря. Поминательный пиръ
 Запишетъ. У Чувала (9) склоненный

*

Кругъ сонныхъ гостей возлежишь недвижимъ,
Лишь въ юртѣ, снѣя, волнуется дымъ.

* * *

Осыпаны кудри цвѣтныхъ тальниковъ
Росинками ночи осенней,
И вышила зелень холмовъ и луговъ
Узоромъ измѣчивыхъ тѣней;
Вотъ мѣсяцъ надъ тѣменемъ сумрачныхъ скалъ
Вспрянулъ кабаргой эластической,
И лучъ одинокій по Лени упалъ
Видѣнья блескающей дорогой:
По ихамъ, по тропамъ заповѣдныхъ полей
Мелькають онѣ сквозь прозрачный шуманъ.

* * *

Что крикнулъ испуганный вранъ на скалъ,
Блестящихъ безмолвія ночи?
Что искрами сыплютъ и меркнутъ во мглахъ
Огнестыль филина очи?
Не адскій ли по лѣсу рыщетъ вѣдокъ,
Заглохшей Шаманскою тропкой?
Какъ бубень звуча, отражаемый скокъ
Гудеть по окрестности робкой.....
Вотъ кто-то примчался — онъ блѣденъ лицомъ,
Какъ идолъ стоишь на холмѣ гробовомъ.

* * *

И прынулъ на землю; ударъ шопора
Раздвинулъ затворъ надъ могилой
И молвилъ онъ мертвой: „Подруга, пора!
Женихъ дожидается милой!

Воскресни для новыхъ веселія дней,
 Для жизни и счастья. Кони
 Умчатъ насъ далеко — и вътеръ степей
 Завѣстъ слѣды отъ погони.
 Припворной кончиною вольная вновь,
 Со мной ты найдешь и покой и любовь.“

* * *

„Ты ль это, о милой? о Князь Буйдукань!
 Какъ вѣчно казалось мнѣ время!
 Какъ душно и страшно мнѣ было! Обманъ
 На сердце налегъ будто бремя
 Роса мнѣ капилась слезами родныхъ . . .
 На вѣтрѣ — ихъ стонъ безоправданной .!
 И черви на мѣсто перстней золотыхъ
 Вились — и такъ смѣло, такъ жадно! . . .
 Вся кровь моя стынетъ — а близко ли путь! . .
 О милой, согрѣй мнѣ въ объятіяхъ грудь!“

* * *

И вошь поцѣлуевъ таинственный звукъ
 Подъ кровомъ могильной-свадьбы
 И сладкія рѣчи . . . но вдругъ и вокругъ
 Слетѣлися духи пустыни,
 И трупы Шамановъ свились въ хороводъ,
 Ударили въ бубны и въ чаши . . . (10).
 Внимая шепещущъ любовники! Вотъ
 Имъ вопиеть: „вы наши, вы наши!
 Не выдастъ могила схороненный кладъ;
 Преступниковъ духи карають, казнятъ!“

* * *

И падаютъ звѣзды, и прыщещъ огонь . . .
 Испуганный адскою ловлей

Храпиль и кидается бѣшеный конь
 На кровлю — и рухнула кровля!
 Вдали огласился раздавленныхъ стонъ . . .
 Погибли. Но тѣнь Саашыри
 Донынѣ пугаетъ измѣнчивыхъ жёнъ
 По тундрамъ Восточной Сибири;
 И ловчій, когда разливается пѣма,
 Въ боязни бѣжитъ роковаго холма.

А. Б.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Содержаніе этой Баллады взято изъ Якутской сказки. Саашырь — значить „игривая.“

1. Якушы до сихъ поръ не кинули обычая при болѣзняхъ призывать Шамановъ, которые гаданія, леченія и мольбы свои сопровождаютъ воплями и звуками бубна (дюгюръ).
2. Якутскія узды перѣдко увѣшиваются позвонками.
3. Въ старину они вѣшали гробы свои на деревьяхъ или спавили ихъ на подрубленныхъ пняхъ.
4. Серебряныя украшенія женскія, сдѣланныя довольно искусно изъ цѣпочекъ и пластинокъ, весьма широкихъ.
5. Якушы болятся прикосновенія къ мершвымъ.
6. Шаманы долѣ прочихъ пользовались правомъ воздушнаго погребенія. Еще теперь въ дикихъ мѣстахъ можно видѣть гробы ихъ.
7. Колода, пустая въ срединѣ и расколоная пополамъ — Якутскій гробъ.

8. Аяхъ — огромный деревянный кубокъ — въ него входилъ ведро полтора, но я видѣлъ удалцовъ, которые осушали его съ разу. Прожорство Якушовъ на праздникахъ (исыхъ) невѣроянно: — въ моихъ глазахъ одинъ изъ нихъ выпилъ 30 фунтовъ распопленного масла.
9. Чуваль — камень, очагъ: онъ стоялъ посрединѣ юрты, спинкою ко входу. Якуты не знаютъ иныхъ печей.
10. Суевѣрія всѣхъ народовъ еходны. Якуты вѣряшъ, что колдуны ихъ покидаютъ ночью гробы свои, пляшутъ, бьютъ въ бубны, спараются вредить живымъ, и тому подобное.

1828. Якутскъ.

IV.

С М Ъ С Ъ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРЮЧЕКЪ.

Мнѣ до крайности надоѣли ссоры и споры литературные, но при всемъ нежеланіи моемъ со-спязаться на поприщѣ журнальной полемики, я принужденъ прервать молчаніе.

Въ 85 номерѣ Сѣверной Пчелы, въ письмѣ къ О. В. Булгарину, упомянулъ я мимоходомъ о спран-номъ нападеніи Телеграфа на мою Учебную книгу Русской Словесности, и при семъ случаѣ выска-

залъ свое мнѣніе о *высшихъ взглядахъ* нѣкоторыхъ нашихъ Литераторовъ. Вдругъ въ № 24 Литературной Газеты, появляются комментаріи на мое возраженіе. Неизвѣстный комментаторъ (имѣю всѣ причины думать, что это не Г. Сомовъ, Издатель Л. Г.), выворотивъ мои слова по-своему, говоритъ, будто я въ возраженіи моемъ сказалъ, что Г. Полевой не знаетъ Русской грамоты, что онъ, толкуя безпрестанно о высшихъ взглядахъ, самъ не что иное, какъ верхоглядъ.

Но какое имя заслуживаетъ тотъ, кто такимъ... совѣстнымъ образомъ переполковываетъ чужія слова, и влагаетъ въ уста постороннему человеку выраженія, которыя и на умъ ему не приходили? Въ моей статьѣ сказано: „Забавно, что *Критики* этой Учебной Книжки не хотятъ видѣть цѣли, съ какою она издана, и забываютъ сказанное въ предисловіи, что она не есть окончательный курсъ Словесности, а составлена для первоначальныхъ Училищъ. Дайте-де *высшихъ взглядовъ*! Да вы, господа *верхогляды*, что разглядѣли? Неужели Русскую грамоту?“ Говорится ли тутъ о Г. Полесомъ? упоминается ли даже, въ единственномъ числѣ, о Критикѣ? Сказано о *Критикахъ* вообще. Да и *разглядѣть* Русскую грамоту значить ли выучиться читать и писать? — Во время самыхъ жаркихъ споровъ между Сѣверною Пчелою и Телеграфомъ, я всегда отдавалъ справедливость уму, талантамъ и трудамъ Г. Полеваго. И теперь, печатаая возраженіе на сужденіе, помѣщенное въ его Журналъ, я ни мало не хотѣлъ войти съ нимъ въ споръ, а шѣмъ менѣе оскорбилъ его. Коснувшись *высшихъ взглядовъ*, я хотѣлъ во-

обще сказать, что мнѣ эти высшіе взгляды попросту смѣшны. Уважал философскіе опыты современныхъ Писателей, отдавалъ справедливость Гг. Велланскому и другимъ, желающимъ знакомить насъ съ Исторіею Современной Философіи, я не могу безъ смѣху читать нѣкоторыхъ нашихъ Журналовъ, въ коихъ несутъ великолѣпный вздоръ, воображалъ, что говорятъ о новѣйшей Философіи. Толкуютъ о высшихъ взглядахъ, о потребностяхъ вѣка, о невѣроятныхъ успѣхахъ ума человѣческаго въ наше время, съ презрѣніемъ глядятъ на опцевъ и учителей нашихъ въ Словесности, не замѣчая, что у насъ рѣдкій кто умѣетъ выражать ясно и правильно самыя простыя мысли на родномъ языкѣ. Смѣшны были, лѣтъ за тридцать предъ симъ, безусловные поклонники Французской школы: не менѣе карикатурно и Нѣмецкое попу- тайство, особенно для того, кто самъ маракуетъ по-Нѣмецки, читаетъ иноспранныя книги и Журналы, и видитъ, откуда что заимствуется и какъ оно понимается. Гдѣ же тѣ неизмѣримо великія открытія въ Наукахъ, гдѣ тѣ исполинскіе шаги въ Словесности нашей, коими хвалятся глашатаи новой школы? Не лучше ли спуститься на нѣсколько ступенекъ, поближе къ простому здравому смыслу, къ чистой Русской грамотѣ, къ ясному, непринужденному и правильному изложенію своихъ мыслей? Не лучше ли оглянуться на прежнее, и перестать думать, будто Словесность, Науки, Искусства существуютъ со времени выхода въ свѣтъ нашей программы. — На сіе могутъ возразить: въ числѣ пишущихъ такимъ образомъ есть люди умные. Согласенъ, но на всякаго мудреца есть и просто.

та. Теперь *мода* завираться на Нѣмецкій манеръ, и въ слѣдствіе сего на Нѣмецкій манеръ завираются. Мода пройдетъ, и сіи умные люди, перечипывая нынѣшнія свои произведенія, будутъ восклицать: „Возможно ли, чѣмъ я написалъ такой вздоръ и такъ безполково? Но мною тогда восхищались, и я былъ доволенъ собою.“ — Такъ умная дама, глядя на портретъ свой, написанный за десять лѣтъ предъ тѣмъ, говоритъ мужу: „Неужели я такъ одѣвалась въ то время, какъ ты вздумалъ ко мнѣ присвадаться? Гдѣ были у тебя глаза!“ — Читайте книги о нынѣшней Философіи, изучайте ихъ, переводите на Русскій языкъ (только по-Русски), печатайте — за это благодарность вамъ и честь! Но перестаньте воображать, что, разобравъ съ трудомъ нѣсколько фразъ Шеллинга и Аста, вы прозрѣли, поглощили всю премудрость; перестаньте примѣшивать Нѣмецкую Философію ко всему и повсюду (*). Вѣрьте, что и до нее люди кое-что понимали. Пройдите Исторію XVII вѣка. Знайте, что эта Философія, какъ и всѣ ей предшествовавшія, пройдетъ и замѣнится другою. Вы ищете новаго, нынѣшняго, а не видите, что и

(*) Впрочемъ, не всѣ наши мыслители и воздухоплаватели (какъ очень удачно назвалъ ихъ Г. Погодинъ) одинаковаго разбора: одни слѣпо вѣрятъ въ безошибочность своихъ учителей, свою собственную и своихъ учениковъ; другіе употребляютъ громкія, пустыя и бессмысленныя фразы съ умысломъ, чѣмъ морочить публику и списывать себѣ чипателей — не понимаемыхъ, а плашителей; иные, какъ попугаи, повторяютъ вышверженные слова, не понимая ихъ, безъ умыслу и безъ смысла. Г.

сами запоздали: вотъ, что говоритъ Кругъ о Шеллинговомъ ученіи: „Сія Философія въ началѣ обратила на себя большое вниманіе и нашла многихъ чпшителей; но нынѣ важнѣйшіе ея послѣдователи ея оставили, и у большей части публики она пришла въ нѣкоторое забвеніе. (Enc. Phil. Wörterbuch III, 533).“ Пошрудитесь выписать себѣ чего нибудь поновѣе, а не то, васъ вскорѣ самихъ спанутъ уличать въ спаровѣріи.

Вотъ что хотѣлъ я сказать вышеприведенною фразою. Если я выразился темно, то виною сему было предшествовавшее моему письму чтеніе.

О недостойныхъ благородной Литературы гаерствахъ въ статьѣ Литературной Газеты, счишаю неприличнымъ распространяться. Скажу нѣсколько словъ въ оправданіе выбора примѣровъ въ моей Учебной Книгѣ. Я никакъ не думалъ, не надѣялся, да и не могъ угодить своимъ выборомъ нашимъ Г.г. Журналистамъ. У нихъ на одной недѣлѣ по семи Пятницъ, и не только двое изъ нихъ не согласятся между собою въ достоинствѣ прешняго Писателя, но и одинъ и тотъ же Журналистъ сегодня возвышаетъ того, котораго унижалъ вчера, и на оборотъ.

Въ заключеніе обращусь къ началу статьи въ Литературной Газетѣ. Вотъ оно: „Литературная Газета не исполнила бы своей обязанности, если бѣ оставила безъ вниманія литературный споръ, недавно возникшій между двумя Журналистами.“ И въ слѣдъ за симъ начинаются криво-толкованія, обвиненія, выдумки. Прекрасная обязанность; но хоть то хорошо, что она въ совершенствѣ выполнена. — Сочинитель сей

спашь въ Лип. Газ. изъясняетъ недоумѣніе, скоро ли кончится издаваемый имъ споръ. Могу увѣрить, что онъ уже кончился. Сказавъ свое мнѣніе о сужденіи Телеграфа, я не хотѣлъ начинать распри продолжительной, и благонамѣренныя ожиданія Литературной Газеты, благородныя надежды, что ей, при спорѣ двухъ не безъизвѣстныхъ Журналистовъ, будетъ чѣмъ поживиться — останутся тщетными.

Николай Грегъ.

1-го Мая, 1831.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

СВОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Ф р а н ц і я.

Въ засѣданіи Палаты Перовъ 19-го Апрѣля, принятъ законъ объ открытіи Министерству кредита въ 1500 милл. фр; въ томъ же засѣданіи, по долгомъ преніи, принятъ законъ касательно Карла X и членовъ его Фамиліи.

Засѣданія Палатъ закрыты лично Королемъ 20 Апрѣля; Е. В. произнесъ рѣчь, въ которой кратко изложилъ событія послѣдняго времени и поведеніе Правительства, во внутреннихъ и вѣнскихъ дѣлахъ. Засѣданія закрыты до 15 Юня.

По причинѣ закрытія Палатъ, законъ

касательно Карла X и членовъ его Фамиліи остается недействительнымъ, потому что измѣненія, сдѣланныя въ ономъ Палатою Перовъ, не могли быть предложены Палатѣ Депутатовъ.

Король помышляетъ объ улучшеніи уголовныхъ законовъ и о смягченіи строгости оныхъ; онъ часто самъ опмѣняетъ въ приговорахъ клейменіе.

16-го и 17-го Апрѣля также были народныя собранія въ Парижѣ; но они скоро были разсѣяны, и безпорядковъ ни какихъ не произошло.

По напечатанной въ Мониперѣ вѣдомости, косвенные налоги за первые три мѣсяца нынѣшняго года дали 7,583,000 фр. меньше, нежели въ 1830 году.

Генерала Шнейдера ожидаютъ во Францію. Увѣряютъ, что онъ заключилъ съ Президентомъ Греціи весьма выгодныя условія для Французовъ, которые вознамѣрились бы перенести промышленность свою въ Грецію.

Въ Тулонѣ пришелъ 16-го Апрѣля пароходъ съ шестидесятью Испаніянскими бѣглецами.

Въ Марсельскомъ карантинѣ находится теперь посланный Бей Тунисскаго, уполномоченный для вступленія въ переговоры съ Французскимъ Правительствомъ.

Знаменитый Паганини собирается ѣхать въ Англію.

По извѣстіямъ изъ Лиссабона отъ 9-го числа, Французскій Консулъ призывалъ къ себѣ всѣхъ Французовъ, живущихъ въ семъ городѣ,

чтобы дать имъ послѣднія наставленія, и подалъ Португальскому Министерству послѣднюю ноту, въ коей пребывалъ рѣшительнаго отвѣта къ 10-му числу. По полученіи извѣстія о дурныхъ поступкахъ Португальскихъ начальствъ съ Французскими подданными, Правительство приказало отправитъ въ Лиссабонъ два фрегата, чтобы пребывавъ удовольствованія и вознагражденія. Говорятъ, что начальникъ эскадры Французской въ Тагъ имѣетъ обширное полномочіе для принятія мѣръ, коихъ пребудетъ честь Французскаго флага.

Пишутъ изъ Мадрида, что Мексиканское Правительство вступило съ Испанскимъ въ переговоры о признаніи независимости Мексики на основаніяхъ, равно выгодныхъ для обоихъ земель.

А н г л и я.

Въ Лондонѣ разнесся слухъ, что Министры почти принудили Короля распустить Парламентъ, повторяя просьбы свои объ отставкѣ; но въ Газетахъ Courrier и Times сей слухъ рѣшительно опровергается. Когда отдано было приказаніе о приготовленіи парадной кареты, чтобы ѣхалъ Король въ Парламентъ, и ему представили, что мало остается на то времени, Е. В. объявилъ, что въ случаѣ нужды пошлетъ за извозицей, и что онъ будетъ первый Государь Англіи, который пріѣдетъ въ наемной каретѣ для закрытія Парламента. Одѣваясь въ комнату подлѣ Палаты Перовъ, Е. В. слышалъ происходившій въ оной сильный шумъ; узнавъ о причинѣ онаго, Король принялъ еще болѣе твердый тонъ, нежели прежде, и когда чиновникъ, обязанный надѣвать

на Короля корону, приблизился, чтобы исполнить долгъ свой, Е. В. воспрепятствовалъ ему въ томъ, и взявъ корону, сказалъ: „Въ подобную минуто хочу надѣсть корону мою самъ безъ всякой посторонней помощи.“ Когда Е. В. вошелъ въ Палату, Лордъ Мансфильдъ говорилъ съ жаромъ, и даже продолжалъ свою рѣчь нѣсколько мгновений, пока Король всходилъ на ступени трона — На улицахъ народъ сопровождалъ Е. В. изъясненіями живѣйшаго восторга. Вечеромъ, въ Дрюриленскомъ театрѣ всѣхъ актеровъ заставили пѣть національную пѣсню: *God save the King* (Боже, Царя храни); самыя шумныя рукоплесканія и знаки одобренія раздались при стихѣ: *Scatter his enemies* (Разсѣй его враговъ).

Англіійскія Газеты уже наполнены воззваніями къ избирателямъ, чтобы они не избирали въ Члены Парламента ни одного изъ Членовъ, подавшихъ голосъ прошивъ билля о преобразованіи, ни нерѣшительныхъ, боязливыхъ или осторожныхъ.

Прибывшіе изъ Брюсселя Бельгійскіе депутаты имѣли продолжительную конференцію съ Принцемъ Леопольдомъ Саксенъ-Кабургскимъ.

Изъ Портсмута отошли четыре военные корабли съ запечатанными приказаніями; полагаютъ, что два изъ сихъ кораблей пойдутъ въ Опорто, а другіе два въ Лиссабонъ. Изъ Спипсгеда отплылъ Виндзоръ-Кесплъ также съ запечатаннымъ приказаніемъ, и Сиръ П. Малькольму послано въ Средиземное море повелѣніе, ипши съ своимъ Адмиральскимъ кораблемъ въ Тагъ. На счетъ

отправленія сихъ кораблей сказано въ Придворной Газетѣ, что они дѣйствительно имѣютъ цѣлю подкрѣпить требованія Англійскаго Правительства объ удовлетвореніи за оскорбленія, нанесенныя въ Португаліи Англійскимъ подданнымъ.

Неисповства, коимъ предается чернь въ западной части Ирландіи, превосходятъ всякое описаніе; она уже не различаетъ Католиковъ отъ Протестантовъ, но свирѣпствуетъ противъ всѣхъ богачихъ и значительныхъ людей.

Обѣимъ Палатамъ Парламента представлено 27 биллей, въ коихъ испрашивается позволеніе на составленіе компаній для устройства чугунныхъ дорогъ.

Н и д е р л а н д ы .

Голландская армія выстроивается, по новому своему раздѣленію, такъ что первая дивизія составитъ правое крыло, а претѣя лѣвое; она занимаетъ обширную линію, получаетъ ежедневно новыя подкрѣпленія, и опирается на три главныя крѣпости, Бергенъ-опъ-Цомъ, Бреду и Герцогенбушъ.

Голландскій флотъ на рѣкѣ Шельдѣ состоитъ нынѣ изъ одного линійнаго корабля, 3 фрегатовъ, 6 корветъ, 2 бомбардирскихъ судовъ, 5 бригговъ, 3 париходовъ и 28 канонирскихъ лодокъ; на всѣхъ сихъ судахъ считается 651 пушка и 4000 человекъ экипажа.

Изъ Брюсселя отправилась въ Лондонъ, 18-го Апрѣля, Депутація отъ Бельгійскаго Правительсва, состоящая изъ пяти Членовъ Конгресса, которой поручено собрать все свѣдѣнія касательно предложенія Бельгійской короны Принцу Леопольду Саксенъ-Кобургскому.

Графъ Эршофъ возвратился изъ Лондона въ Брюссель.

Процессъ Полковника Борреманса начался 19-го Апрѣля. Изъ слѣдствія выведены три пункта обвиненія: 1) въ томъ, что онъ умышлялъ ниспроверженіе Правительсва и возстановленіе власти Принца Оранскаго; 2) что онъ не донесъ о заговорѣ Грегуара въ Геннѣ, о которомъ зналъ; и 3) что онъ получилъ денежныя суммы для дѣйствія въ пользу Принца Оранскаго, и не донесъ о томъ Правительству. При выходѣ Полковника изъ Суда, для возвращенія въ шюръму, народъ бросалъ камнями въ его карету; въ слѣдствіе того онъ писалъ къ Регенту, и просилъ, чтобы процессъ его продолжалъ быть въ шюрмѣ, дабы онъ впредь не былъ подверженъ подобнымъ нападеніямъ. Бельгійское общество издало прокламацію къ жителямъ Брюсселя, въ которой увѣщаваетъ ихъ не нарушать законовъ, подъ защитною коихъ состоятъ Борремансъ. Не смотря на то, онъ подвергся на другой день тѣмъ же оскорбленіямъ, хотя и былъ переходить въ гражданское платье, и сопровождается гражданской стражею. Генераль-Аудиторъ присудилъ его къ лишенію чиновъ и къ смертной казни; но Пред-

сѣдателемъ Суда объявилъ, что по выслушаніи защитниковъ Борреманса, сужденіе о дѣлѣ его кончено, и что приговоръ будетъ обнародованъ немедленно по утвержденіи оного Регентомъ. — Чернь, по видимому, имѣла намѣреніе разграбить домъ шестя Борремансова; но сіе покушеніе было предупреждено бдительностію гражданской стражи.

Разныя извѣстія.

По случаю благополучнаго окончанія Италійскихъ дѣлъ, Е. В. Императоръ Австрійскій пожаловалъ алмазные знаки ордена Св. Стефана Государственному и Придворному Канцлеру Князю Меттерниху. Императоръ благодарилъ также письменно Генераловъ Барона Фримона и Барона Гепперта, равно какъ и войска, состоящія подъ ихъ начальствомъ. Австрійскія войска немедленно будутъ выведены изъ Италіи; только въ важнейшихъ городахъ на время оставлены будутъ гарнизоны.

Герцогъ Вильгельмъ Брауншвейгскій, въ слѣдствіе соглашенія съ Е. В. Королемъ Великобританскимъ и Ганноверскимъ, по которому передано ему Герцогство, вступилъ въ Правленіе, о чемъ возвѣщено жителямъ прокламаціею 20-го Апрѣля; войска уже присягнули ему въ вѣрности.

Въ Гамбѣ скончался, 20-го Апрѣля, Каноникъ Докторъ Августъ Лафонпенъ, родившійся въ 1759 году въ Брауншвейгѣ, и бывшій съ 1793 го-

да однимъ изъ любимѣйшихъ Авторовъ въ Германіи.

Спасишь - Секретарь Кардиналъ Бенвенуши издалъ въ Римѣ, 16 Апрѣля, повелѣніе объ учрежденіи Гражданской Коммиссіи въ Анконѣ, и Военной въ Римѣ, для производства суда надъ виновниками погнущенной нынѣ революціи.

Изъ Ливорно отправлялись моремъ въ Марсель, 9-го Апрѣля, 70 бѣглецовъ Италіанскихъ. На островъ Эльбу отправленъ баталіонъ пѣхоты съ артиллеріею, ибо опасаются какихъ либо покушеній на сей островъ со стороны множества Италіанскихъ бѣглецовъ, находящихся въ Корсикѣ.

Мустафа-Паша Скодринскій выступилъ, 23 Марша, съ 10,000 человекъ къ Пезрени и Скопін; на пути онъ намѣренъ присоединить къ себѣ союзничьи войска, и въ послѣднемъ городѣ обнародовать манифестъ, въ коемъ объявляетъ себя главою Янычаръ и призываетъ ихъ подъ свои знамена; потомъ пойдетъ онъ къ Монастырю (Битолін), чтобы напасть на Верховнаго Визиря Зяль его, Зелади Бей Охридскій, собираетъ войска въ Нижней Албаніи. — По извѣстіямъ изъ Ниццы отъ 2-го Апрѣля, Паша Ниццскій съ значительнымъ корпусомъ войскъ также пошелъ къ Пезрени, для соединенія съ Мустафою Пашею; сей поступокъ возбудилъ всеобщее удивленіе, тѣмъ болѣе, что Паша сей недавно утверждень Султаномъ въ своемъ званіи, не смотря на то,

что онъ извѣстенъ какъ противникъ вводимого преобразованія. Верховный Визирь готовится къ отпору; онъ отправилъ офицеровъ во всѣ большіе города Румелии для набора войскъ.

2 Май.
